

Маяковский... Поэт-трибун. Поэт революции. Поэт, который был с временем на «ты». Он щедро вынес людям поэзию. Заговорил с миллионами языком миллионов, языком живым, доступным, революционным. Каждое новое поколение советских читателей открывает «своего» Маяковского, и каждому поколению он — современник.

В июле прошлого года, когда отмечали 90-летие со дня рождения поэта, было положено начало Всесоюзным праздникам Маяковского. Накануне нынешних празднеств поэта наш корреспондент встретился с их главным организатором — секретарем правления Союза писателей СССР, лауреатом Ленинской премии поэтом Егором ИСАЕВЫМ.

— Наверное, можно без преувеличения сказать, что Маяковский не просто явление. Маяковский — это феномен, Маяковский — это чудо, о котором абсолютно исключено говорить только в прошедшем времени. Сказать о Маяковском «он был», не добавляя «он есть», так же невозможно, как невозможно отрицать всемогущую силу его поэтического влияния, его воздействия как личности на сегодняшнюю

Егор
ИСАЕВ:

«МАЯКОВСКИЙ НЕ МОГ НЕ БЫТЬ»

поэзию, на нынешнее поколение. И не только в нашей стране. Егор Александрович, чем, по-вашему, объясняется феномен Маяковского?

— Маяковский не мог не быть. Своим явлением народного поэта Маяковский подтверждает природную необходимость Октябрьской революции. И наоборот. Революция подтверждает такого поэта, как Маяковский. Он был как бы запрограммирован во времени. Придумать и навязать Маяковского времени было просто невозможно. Отсюда и влияние Маяковского. И в жизненном плане, и — отраженно — в литературном. На его стихах, поэмах, драматургии воспитывалось несколько поколений строителей нового общества. Из людей этих поколений вырастали Чкаловы, Байдуковы, Ильюшины, Жуковы, Фадеевы, Стахановы. Люди производства и люди культуры. И это влияние продолжается.

Если же говорить о литературном влиянии, то нет в мире поэта XX века более известного, чем Маяковский. Школа Маяковского — это мировая школа поэзии. Там, где идет борьба за социальную справедливость, за мир и разоружение, за идеалы социализма, и там, где уже уничтожены законы эксплуатации человека человеком и «люди вышли строить и мечь в сплошной лихорадке буден», где «коммуны дома прорастают», — везде слышен Маяковский, живет Маяковский! Назым Хикмет, Поль Элюар, Фаиз Ахмад Фаиз, Пабло Неруда, Луи Арагон, Николас Гильен — это, можно сказать, великие выпускники Университета Маяковского.

Не говоря уже о том, что советская поэзия немалым образом обязана Маяковскому и каждый из нас несет в себе Маяковского, его отношение к жизни и литературе.

— Вас как поэта что привлекает, что восхищает в Маяковском? Я понимаю, что у Маяковского множество достоинств, о которых можно говорить бесконечно. И все-таки...

— Оптимизм. И революционная действительность. Маяковский утверждает, но Маяковский и негодует, противопоставляет — это, собственно, три главные динамические силы в творчестве Маяковского.

Отстаивать.
Отвергать и бороться.
Строить.

Я не знаю большего оптимиста, чем он, Маяковский. Оптимиста, верящего во все прекрасное в человеке и протестующего, ниспровергающего все, что в человеке и в людях — а это значит, в обществе — недостойно высокого звания человека.

— Егор Александрович, зная активную неприязнь поэта к «юбилейности» и

«бронзы многопудью», наверное, было не так просто продумать Праздники Маяковского? Как это все состоялось впервые?

— Празднуя Маяковского как поэта, как великий мир его слова, его сердца и таланта, мы ощущаем, как он в какой-то мере становится миром каждого из нас. Мы продолжаем совершенствоваться в лучших своих качествах. В этом, собственно говоря, и значение того, что мы называем Праздниками Маяковского.

Праздновать не ради похвалы, а ради постоянного совершенствования. Праздновать в себе постоянную движущую революцию; праздновать и укреплять в себе стремление противостоять всему, что мешает революции. мешает строительству нового общества.

Все Праздники Маяковского в год его 90-летия, в год его юбилея были всенародным событием. Маяковский звучал по стране именно «как живой с живыми голосами», «во весь голос» своего слова. Во всю мощь энергии, заключенной в нем. Во весь жар высокого поэтического накала души и времени, которым так нежно и гневно был накален сам Маяковский. Эти дни были своеобразной отдачей времени любви к Маяковскому. Эта любовь работала. Риторическая любовь ничего не прибавляет к Маяковскому, она уменьшает его. А рабочая любовь, направленная к воспроизводству пользы и красоты, — это по Маяковскому!

В эти дни словно бы всходило солнце Маяковского, и все радовались этому. Праздновали по всей стране. И там, где он бывал, и там, где никогда не ступала нога поэта. Везде, где есть слово Маяковского.

В Грузии, в бывшем имеретинском селе Багдади — на родине Маяковского, в Тбилиси, в Кутаиси. Грузия праздновала его как своего земляка. Праздновала его Кубань — родина матери поэта, праздновал Дон — родина отца поэта. Как говорил поэт:

— Я — дедом казак,
другим — сечевик,
а по рождению «грузин».

Праздновала вся страна.

Мы праздновали как бы в совести Маяковского. И сами становились чище. Помните эти слова: «Я себя под Лениным чищу, чтобы плыть в революцию дальше»?

И снова придет праздник Маяковского на всю советскую землю. На землю, так любимую поэтом, где выросли и расцвели предугаданные и воспетые им города-сады.

— «Город-сад»... Прекрасные строки из прекрасного стихотворения. Подумать только — пятьдесят пять лет назад увидел свет «Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка»! И как мы непростительно редко вспоминаем, что эти стихи Маяковского дошли до рабочих, полюбили их. А когда «мороз так прокаливал железо, что к нему примерзали ладони» — люди не оставляли работу, «застуженными голосами выкрикивали».

Сливеют
губы
с холода,
но губы
шепчут в лад:
«Через четыре года
здесь
будет
город-сад!»

Более того: академик Иван Павлович Бардин, который был в то время главным инженером строительства, прямо сказал: «Поэт Маяковский в самые, быть может, тяжелые времена жизни Кузнецкстроя, в момент, когда приехавшая на строительство первая комиссия «распушила» нас в пух и прах, написал свой рассказ о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка... Этим он поддержал наш дух и мы продолжали начатое дело и считали его самым главным в осуществлении нашей мечты».

Прошли десятилетия, выросли и расцвели, как вы сказали, Егор Александрович, воспетые поэтом города-сады. Но почему же ни один из них не удостоился имени Маяковского? Наверное, это не совсем справедливо.

— Безусловно. Давно пора подумать о крупном индустриальном городе, который носил бы имя поэта, хотя бы на так любимом им Урале. Не на Урале — так в Сибири, на БАМе, в Нечерноземье. Ведь всю нашу индустриальную эпоху можно назвать и эпохой Маяковского. Так он умел писать о рабочем классе! Так велика была его вера в социальное достоинство рабочего класса:

Я знаю —
город
будет,
Я знаю —
саду
цвести,
Когда —
такие люди
В стране
советской
есть!

— И последнее, о чем мне бы хотелось вас спросить. Известна безмерная, высочайшая требовательность Маяковского к писательскому творчеству, и прежде всего

— к самому себе. Каков его главный критерий ценности советского поэта, писателя? — Полезность. Полезность обществу, революции, будущему. Свое место в рабочем строю он определил раз и навсегда: «Я себя советским чувствую заводом, вырабатывающим счастье».

А за счастье надо бороться. Опять возникла над землей угроза ядерной катастрофы. Люди, каждый из нас, должны употребить все свои силы, чтобы не допустить новой войны. И поэтический набат слова, завещанный нам Маяковским, остается «бомбой и знаменем» в этой борьбе.

Беседу вела Светлана ГЛАДЫШ.

Хочу
сиять заставить заново
величайшее слово
«ПАРТИЯ».
Единица!
Кому она нужна?!
Голос единицы
тоньше писка.
Кто ее услышит? —
Разве жена!
И то
если не на базаре,
а близко.
Партия —
это
единый ураган,
из голосов спрессованный
тихих и тонких,
от него
лопаются
укрепления врага,
как в канонаду
от пушек
перепонки.

Плохо
человеку,
когда он один.
Горе одному,
один не воин —
каждый дюжий
ему господин,
и даже слабые,
если двое.
А если в партию
сгрудились малые —
сдайся, враг,
замри и ляг!
Партия —
рука миллионнопалая,
сжатая
в один
громающий кулак.
Единица — вздор,
единица — ноль,
один —
даже если
очень важный —
не подымет
простое
пятивершковое бревно,
тем более
дом пятиэтажный.
Партия —
это
миллионов плечи,
друг к другу
прижатые туго.
Партийей
стройки
в небо взмечем,
держа
и вздымая друг друга.
Партия —
спинной хребет рабочего класса.
Партия —
бессмертие нашего дела.
Партия — единственное,
что мне не изменит.
Сегодня приказчик,
а завтра
царства стираю в карте я.
Мозг класса,
дело класса,
сила класса,
слава класса —
вот что такое партия.
Партия и Ленин —
близнецы-братья —
кто более
матери-истории ценен?
Мы говорим Ленин,
подразумеваем
— партия,
мы говорим
партия,
подразумеваем
— Ленин.
Из поэмы «Владимир Ильич Ленин». 1924 г.

Неделя, 1984, июль, № 29

Писатель и время

Маяковский... Поэт-трибун.
Поэт революции. Поэт, который был с временем на «ты». Он щедро вынес людям поэзию. Заговорил с миллионами языком миллионов, языком живым, доступным, революционным. Каждое новое поколение советских читателей открывает «своего» Маяковского, и каждому поколению он — современник.

В июле прошлого года, когда отмечали 90-летие со дня рождения поэта, было положено начало Всесоюзным праздникам Маяковского. Накануне нынешних празднований поэта наш корреспондент встретился с их главным организатором — секретарем правления Союза писателей СССР, лауреатом Ленинской премии поэтом Егором ИСАЕВЫМ.

— Наверное, можно без преувеличения сказать, что Маяковский — это феномен, Маяковский — это чудо, о котором абсолютно исключено говорить только в прошедшем времени. Сказать о Маяковском «он был», не добавляя «он есть», так же невозможно, как невозможно отрицать всемогущую силу его поэтического влияния, его воздействия как личности на сегодняшнюю

Егор
ИСАЕВ:

«МАЯКОВСКИЙ НЕ МОГ НЕ БЫТЬ»

поэзию, на нынешнее поколение. И не только в нашей стране. Егор Александрович, чем, по-вашему, объясняется феномен Маяковского?

— Маяковский не мог не быть. Своим явлением народного поэта Маяковский подтверждает природную необходимость Октябрьской революции. И наоборот. Революция подтверждает такого поэта, как Маяковский. Он был как бы запрограммирован во времени. Придумать и навязать Маяковского времени было просто невозможно. Отсюда и влияние Маяковского. И в жизненном плане, и — отраженно — в литературном. На его стихах, поэмах, драматургии воспитывалось несколько поколений строителей нового общества. Из людей этих поколений вырастали Чкаловы, Байдуковы, Ильишины, Жуковы, Фадеевы, Стахановы. Люди производства и люди культуры. И это влияние продолжается.

Если же говорить о литературном влиянии, то нет в мире поэта XX века более известного, чем Маяковский. Школа Маяковского — это мировая школа поэзии. Там, где идет борьба за социальную справедливость, за мир и разоружение, за идеалы социализма, и там, где уже уничтожены законы эксплуатации человека человеком и «люди вышли строить и место в сплошной лихорадке буден», где «коммуны дома прорастают», — везде слышен Маяковский, живет Маяковский! Назыв Хикмет, Поль Элюар, Фаиз Ахмад Фаиз, Пабло Неруда, Луи Арагон, Николас Гильен — это, можно сказать, великие выпускники Университета Маяковского.

Не говоря уже о том, что советская поэзия немыслима без Маяковского и каждый из нас несет в себе Маяковского, его отношение к жизни и литературе.

— Вас как поэта что привлекает, что восхищает в Маяковском? Я понимаю, что у Маяковского множество достоинств, о которых можно говорить бесконечно. И все-таки...

— Оптимизм. И революционная действительность. Маяковский утверждает, но Маяковский и негодует, противопоставляет — это, собственно, три главные динамические силы в творчестве Маяковского.

Отстаивать.
Отвергать и бороться.
Строить.

Я не знаю большего оптимиста, чем он, Маяковский. Оптимиста, верящего во все прекрасное в человеке и протестующего, ниспровергающего все, что в человеке и в людях — а это значит, в обществе — недостойно высокого звания человека.

— Егор Александрович, зная активную неприязнь поэта к «юбилейности» и

«бронзы многопудью», наверное, было не так просто продумывать Праздники Маяковского? Как это все состоялось впервые?

— Празднуя Маяковского как поэта, как великий мир его слова, его сердца и таланта, мы ощущаем, как он в какой-то мере становится миром каждого из нас. Мы продолжаем совершенствоваться в лучших своих качествах. В этом, собственно говоря, и значение того, что мы называем Праздниками Маяковского.

Праздновать не ради похвалы, а ради постоянного совершенствования. Праздновать в себе постоянную движущую революцию; праздновать и укреплять в себе стремление противостоять всему, что мешает революции, мешает строительству нового общества.

Все Праздники Маяковского в год его 90-летия, в год его юбилея были всенародным событием. Маяковский звучал по стране именно «как живой с живыми го-во-ря», «во весь голос» своего слова. Во всю мощь энергии, заключенной в нем. Во весь жар высокого поэтического накала души и времени, которым так нежно и гневно был накален сам Маяковский. Эти дни были своеобразной отдачей времени любви к Маяковскому. Эта любовь работала. Риторическая любовь ничего не прибавляет к Маяковскому, она уменьшает его. А рабочая любовь, направленная к воспроизводству пользы и красоты, — это по Маяковскому!

В эти дни словно бы всходило солнце Маяковского, и все радовались этому. Праздновали по всей стране. И там, где он бывал, и там, где никогда не ступала нога поэта. Везде, где есть слово Маяковского.

В Грузии, в бывшем имеретинском селе Багдади — на родине Маяковского, в Тбилиси, в Кутаиси. Грузия праздновала его как своего земляка. Праздновала его Кубань — родина матери поэта, праздновал Дон — родина отца поэта. Как говорил поэт:

— Я
— дедом казак,
другим
— сечевик,
а по рождению «грузин».

Праздновала вся страна.

Мы праздновали как бы в совести Маяковского. И сами становились чище. Помните эти слова: «Я себя под Лениным чищу, чтобы плыть в революцию дальше»?

И снова придет праздник Маяковского на всю советскую землю. На землю, так любимую поэтом, где выросли и расцвели предугаданные и воспеты им города-сады.

— «Город-сад»... Прекрасные строки из прекрасного стихотворения. Подумать только — пятьдесят пять лет назад увидел свет «Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка»! И как мы непростительно редко вспоминаем, что эти стихи Маяковского дошли до рабочих, полюбившись им. А когда «мороз так прокалывал железо, что к нему примерзали ладони» — люди не оставляли работу, «застуженными голосами выкрикивали».

Сливеют
губы
с холода,
но губы
шепчут в лад:
«Через четыре года
здесь
будет
город-сад!»

Более того: академик Иван Павлович Бардин, который был в то время главным инженером строительства, прямо сказал: «Поэт Маяковский в самые, быть может, тяжелые времена жизни Кузнецкстроя, в момент, когда приехавшая на строительство первая комиссия «распушила» нас в пух и прах, написал свой рассказ о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка... Этим он подержал наш дух, и мы продолжали начатое дело и считали его самым главным в осуществлении нашей мечты».

Прошли десятилетия, выросли и расцвели, как вы сказали, Егор Александрович, воспеты поэтом города-сады. Но почему же ни один из них не удостоился имени Маяковского? Наверное, это не совсем справедливо.

— Безусловно. Давно пора подумать о крупном индустриальном городе, который носил бы имя поэта, хотя бы на так любимом им Урале. Не на Урале — так в Сибири, на БАМе, в Нечерноземье. Ведь всю нашу индустриальную эпоху можно назвать и эпохой Маяковского. Так он умел писать о рабочем классе! Так велика была его вера в социальное достоинство рабочего класса:

Я знаю —
город
будет,
Я знаю
— саду
цветь,
Когда
такие люди
В стране
советской
есть!

— И последнее, о чем мне бы хотелось вас спросить. Известна безмерная, высочайшая требовательность Маяковского к писательскому творчеству, и прежде всего

— к самому себе. Каков его главный критерий ценности советского поэта, писателя?

— Полезность. Полезность обществу, революции, будущему. Свое место в рабочем строю он определил раз и навсегда: «Я себя советским чувствую заводом, вырабатывающим счастье».

А за счастье надо бороться. Опять возникла над землей угроза ядерной катастрофы. Люди, каждый из нас, должны употребить все свои силы, чтобы не допустить новой войны. И поэтический набат слова, завещанный нам Маяковским, остается «бомбой и знаменем» в этой борьбе.

Беседу вела Светлана ГЛАДЫШ.

Хочу
сиять заставить заново
величественнейшее слово
«ПАРТИЯ».
Единица!
Кому она нужна?!
Голос единицы
тоньше писка.
Кто ее услышит? —
Разве жена!
И то
если не на базаре,
а близко.
Партия —
это
единый ураган,
из голосов спрессованный
тихий и тонкий,
от него
лопаются
укрепления врага,
как в канонаду
от пушек
перепонки.

Плохо
человеку,
когда он один.
Горе одному,
один не воин —
каждый дюжий
ему господин,
и даже слабые,
если двое.
А если в партию
сгрудились малые —
сдайся, враг,
замри и ляг!
Партия —
рука миллионнопалая,
сжатая
в один
громящий кулак.
Единица — вздор,
единица — ноль,
один —
даже если
очень важный —
не подымет
простое
пятивершковое бревно,
тем более
дом пятиэтажный.
Партия —
это
миллионов плечи,
друг к другу
прижатые туго.
Партий
стройки
в небо взмечем,
держа
и вадывая друг друга.
Партия —
спинной хребет рабочего класса.
Партия —
бессмертные нашего дела.
Партия — единственное,
что мне не изменит.
Сегодня приказчик,
а завтра
царства стираю в карте я.
Мозг класса,
дело класса,
сила класса,
слава класса —
вот что такое партия.
Партия и Ленин —
близнецы-братья —
кто более
матери-истории ценен?
Мы говорим Ленин,
подразумеваем
— партия,
мы говорим
партия,
подразумеваем
— Ленин.

Из поэмы «Владимир Ильич Ленин»,
1924 г.